

I.

Почуеніе въ 28-ю недѣлю Пятидесятницѣ.

Въ нынѣшнемъ апостольскомъ чтеніи мы слышали: Апостоль Павелъ говоритъ: то заслуживаетъ благодарности, что мы сдѣлались христіанами, соучастниками христіанскаго просвѣщенія, что Богъ избавилъ насъ отъ власти тьмы и ввелъ насъ въ царство своего сына, въ Церковь Христову, въ которой мы пользуемся искупленіемъ его и прощеніемъ грѣховъ, пріобрѣтенное для насъ кровію Его. Далѣе апостоль объясняетъ—кто нашъ Искупитель. Онъ есть образъ Бога невидимаго, превѣчно рожденный отъ Бога Отца. Самъ Господь сказалъ о Себѣ: видѣвшій Меня видѣлъ Отца... Вѣрйте Мнѣ, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ (Іоан. 14, 9, 11). Нашъ Искупитель есть Творецъ всего видимаго и невидимаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ есть глава Церкви земной, и Онъ первенецъ изъ умершихъ воскресъ своею силою, первый восторжествовалъ надъ смертію сдѣлавъ смерть нестрашною для вѣрующаго человѣка. Онъ сталъ главою Церкви торжествующей, небесной, не по своему Божеству только, по которому Онъ всегда былъ Царемъ царей, главою, промыслителемъ всего; но и по человечеству сталъ таковымъ. Апостоль изобразилъ чудное, восхитительное представленіе о Церкви Христовой и о главѣ этой Церкви о Иисусѣ Христѣ; далъ ясное представленіе объ Иисусѣ Христѣ, какъ личномъ Богѣ, а не какъ о гениальномъ человѣкѣ, по воззрѣнію лжеучителей.

Апостоль объясняетъ христіанамъ, что Искупитель нашъ, нашъ Спаситель есть превѣчный Богъ; Онъ есть Творецъ всего видимаго и невидимаго; Онъ есть глава Церкви. Дважды во всеуслышаніе Богъ Отецъ засвидѣтельствовалъ объ Иисусѣ Христѣ, что Онъ есть Сынъ Бога Отца: во время крещенія Господня (Матѣ. 3, 17), и во время преображенія Господня (Матѣ. 17, 5, 2 Петр. 1, 17) Когда то евреи приговорили къ смерти Господа за то, что Онъ назвалъ Себя Сыномъ Божиимъ (Матѣ. 26, 63-66.). Когда то язычники приговаривали къ смертной казни тѣхъ, которые вѣровали въ Сына Божія, Господа нашего Иисуса Христа, распятого на крестѣ для нашего спасенія. А теперь нѣкоторые заботятся о томъ, чтобы убѣдить христіанъ забыть Христа, нашего Спасителя, для того, чтобы свободнѣе вести земную жизнь, для

которой будто-бы только и существуетъ человѣкъ какъ скоро можно перевернуть понятія слабаго, но способнаго гордиться, человѣка. Первенствующіе христіане дорожили своими истинными христіанскими убѣжденіями, готовы были умереть за эти убѣжденія, и геройски умирали; ихъ въ самыхъ тяжелыхъ страданіяхъ поддерживала благодать Божественная, они съ радостію шли на явную смерть, твердо вѣруя въ лучшую загробную жизнь. Говорятъ: можетъ ли при такихъ условіяхъ развиваться жизнь человѣческая? Нѣсколько единичныхъ личностей, увлеченныхъ религіознымъ фанатизмомъ, не могутъ служить примѣромъ для всѣхъ; иначе, при такомъ порядкѣ, нельзя прогрессивно развиваться въ своихъ жизненныхъ отправленіяхъ и въ научномъ образованіи: не должно будетъ поглащаться удовольвореніемъ однихъ религіозныхъ потребностей; обыкновенное теченіе жизни должно прекратиться? Превратное сужденіе, проистекающее отъ невѣрія, нравственнаго растлѣнія и совершеннаго непониманія цѣнности религіозной жизни. Никто не станетъ проповѣдывать того, чтобы всѣ христіане сдѣлались особенными подвижниками вѣры и благочестія, всѣ бы ушли въ пустыню или въ монастырь. Нѣтъ, религіозное настроеніе драгоцѣнно во всѣхъ состояніяхъ и званіяхъ, и несколько не препятствуетъ житейскимъ занятіямъ и прогрессивному движенію не только въ житейскихъ, но даже и въ научныхъ знаніяхъ; напротивъ, религіозный человѣкъ скорѣе можетъ подвинуть прогрессивное движеніе во всемъ добромъ. А что образованіе и знаніе безъ Бога, безъ вѣры въ Бога? Возьмите исторію безбожныхъ народовъ, отличавшихся, въ свое время, разными изобрѣтеніями, гдѣ они теперь? Да, нужно быть жестоко неблагодарнымъ къ христіанству и къ основателю христіанства Господу нашему Иисусу Христу, чтобы забыть христіанскую вѣру, забыть сладчайшаго нашего Иисуса Христа, забыть Церковь Христову, гдѣ всѣ истинно вѣрующіе получали, и получаютъ, спасеніе временное и вѣчное. Неужели намъ нужно ждать той участи, какой дождался, за свое невѣріе и беззаконіе, народъ Іудейскій, когда, будучи въ плѣну Вавилонскомъ онъ съ горькими слезами говорилъ: “Если я забуду тебя Іерусалимъ,—забудь меня десница моя (136 псал. 5)? Помилуй Богъ, дожить намъ до этого! А для избѣжанія подобной участи возъ-

мемся всё за умъ, опомнимся—куда могутъ завести насъ незваные безбожные учителя! Опомнимся и помолимся Господу Богу, чтобы Онъ Самъ научилъ насъ творить волю Его! Аминь.

II.

Наша конституція.

(Окончаніе).

Всѣхъ «недостатковъ» нашей «конституціи»—второстепенныхъ, частичныхъ, чисто-формальныхъ и проч. и проч.—не оберешься. Остановимся лишь на болѣе выпуклыхъ, сильнѣе показавшихъ свою несостоятельность.

Послѣдствіемъ конституціи явились двѣ первыя Думы, которыя—для всѣхъ очевидно—предназначенно подрывали авторитетъ правительства, а крайне плохимъ составомъ своимъ компрометировали въ глазахъ народа и самихъ себя, и въ своемъ лицѣ—достоинство и авторитетъ вообще законодательства. Вотъ почему „теряя вѣру во всѣ остальные власти, население быстро разочаровалось и въ Думахъ, и въ концѣ-концовъ получалась потеря народомъ вѣры вообще во всѣ государственныя учрежденія. А это составляетъ большое бѣдствіе для страны, такъ какъ даетъ привольное поле дѣйствія для чисто-анархической революціонной пропаганды, со всѣми истекающими отсюда послѣдствіями: грабежами, насиліями и подрывомъ гражданственности“.

«Я не возлагаю, конечно,—говорить дальше авторъ цитируемой нами брошюры,—всей отвѣтственности за современную анархію именно на конституцію 1906 года, но она могущественно способствовала развитію этой анархіи, и если бы мы не были уже раньше въ состояніи беспорядочной смуты, то конституція 1906 года могла-бы сама по себѣ привести только къ ней».

Далѣе—государственный строй, даваемый націи, долженъ организовать ея силы, увеличивать этимъ ея способность къ дѣятельности, а потому и повышать всенародное самосознаніе, наполняя его чувствомъ уваженія къ себѣ и родной странѣ. Дѣйствіе конституціи 1906 года прямо противоположно «она въ корнѣ подрываетъ гегемонію русскаго народа въ Имперіи. Въ рѣзкую противоположность со взглядами Государя, выраженными теперь въ манифестѣ 3 іюня, государственное построеніе внѣ всякой національности было поставлено цѣлю реформы во всеподданнѣйшей докладной запискѣ С. Ю. Витте по поводу Высочайшаго манифеста 17 октября 1905 года. Онъ выразилъ необходимость строить государство на основѣ «правъ безъ различія вѣроисповѣданій и національностей», и по идеѣ, какъ онъ сказалъ, «мыслящаго общества». Антинациональность виттевскаго «мыслящаго общества», достаточно выраженная на предшествовавшихъ «докладной запискѣ» съѣздахъ, въ прокламаціяхъ и проч.—внѣ сомнѣнія. Съ такою исходною точкою зрѣнія—подрывъ національной русской гегемоніи долженъ быть стаетъ преднамѣреннымъ.

«Гегемонія русскаго народа въ Имперіи—развивать дальше свою мысль г. Тихомировъ,—держалась, по преимуществу, не столько положительнымъ ограничениемъ правъ другихъ народностей, какъ особннымъ построениемъ государственности». Доселѣ русскій народъ былъ хозяиномъ въ Имперіи потому, что Верховная власть принадлежала его представителю—Царю. «Не ставя Царю никакихъ юридическихъ обязательствъ, русская идея ставила Ему нравственную обязанность представлять господство русскаго народа. Это очень хорошо было выражено уже въ такомъ важномъ актѣ, какъ утвержденная грамота Земскаго Собора 1613 года. Сверхъ того, государству, врученному Царю, поставлено было въ неразрывную связь съ православною церковью, представляющею главную національную организацію народа. Союзъ съ церковью закрѣпленъ для Царя уже и чисто-юридическими обязательствами въ рядѣ положительныхъ законовъ».

«Конституція» 1906 г. разрушаетъ власть Самодержца и политическія права передаетъ не однимъ русскимъ (отъ которыхъ изшли государство и Царская власть), а всѣмъ вообще народностямъ Имперіи, въ равной степени. Въ этомъ отношеніи конституція 1906 года дошла до такого абсурда, что облекла государственными правами даже такую народность, которая не имѣла еще полноты обычныхъ гражданскихъ правъ. Евреи получили право давать законы тому Государству, которое не давало имъ даже свободнаго жительства!

Такимъ уравниемъ политическихъ правъ, гегемонія русскихъ была юридически уничтожена. Государство перестало принадлежать имъ, а фактически дѣло вышло для нихъ еще хуже. Инородцы, какъ вообще болѣе богатые, повсюду получили по цензу болѣе широкое представительство. Сверхъ того, они повсюду несравненно болѣе сплочены между собою, тогда какъ русскіе, въ вѣковой увѣренности, что обезпечили свою гегемонію Верховною властью ими поставленнаго Самодержца, давно утратили привычку узкаго племенного партикуляризма, отвыкли отъ кружковщины и мелкой партійности. Такимъ образомъ инородцы получили, при вновь созданномъ порядкѣ, всѣ преимущества въ партійной борьбѣ, которую конституція 1906 г. сдѣлала обязательною нормою русской политической жизни.

Нужно ли останавливаться на такомъ, достаточно выясненномъ въ печати, фактѣ, какъ измѣненіе, по «конституціи», въ положеніи нашей православной церкви, которая теперь превратилась изъ «господствующей» въ наиболѣе зависимую.

«А между тѣмъ,—говоритъ Л. Тихомировъ,—православная церковь исторически сложилась какъ главное мѣсто единенія и связи между русскими. Внести въ церковную среду смущеніе и недоумѣніе—это значитъ подорвать ту дружность и увѣренность въ себѣ, которыя составляютъ нравственную опору русскаго народа въ средѣ остальныхъ племенъ Имперіи».

Понятно, что такой подрывъ всѣхъ привычныхъ основъ русской національной гегемоніи, являясь од-